

ГЕНЕРАЛ КУРЛОВ

ВОСПОМИНАНИЯ

Гибель императорской России

Павел Курлов

**Гибель императорской
России. Воспоминания**

«Издательство Захаров»

1923

УДК 882-94
ББК 104

Курлов П. Г.

Гибель императорской России. Воспоминания / П. Г. Курлов —
«Издательство Захаров», 1923

ISBN 978-5-8159-0254-3

«Более 30 лет прослужил я трем российским императорам, я знал Россию славною и грозною для ее врагов. Я помню время, когда союза с императорской Россией искали иностранные государства, когда этим союзом гордились, и когда мощь России считалась верной порукой безопасности дружественных ей держав... Я вижу Россию революционную, к которой с пренебрежением стали относиться союзники... Я вижу Россию разоренную, залитую кровью и как бы вычеркнутую из списка не только великих, но и просто цивилизованных государств. Говоря о первой России, я опираюсь на факты и события, участником которых я был в силу своего служебного положения». Павел Григорьевич Курлов

УДК 882-94

ББК 104

ISBN 978-5-8159-0254-3

© Курлов П. Г., 1923

© Издательство Захаров, 1923

Содержание

Введение	5
Глава I	9
Глава II	12
Глава III	20
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Генерал Павел Григорьевич Курлов

Гибель императорской России. Воспоминания

Введение

Внук и сын солдата, я с детских лет вырос и воспитался в военной семье. Мой дед поступил в войска простым рядовым и дослужился до чина генерал-майора. Отец уже был произведен в офицеры по окончании курса в корпусе и вышел в отставку в чине генерала от инфантерии. Духовным основанием нашей семьи всегда была вера и любовь к Богу, любовь и безграничная преданность Государю. Этот основной принцип остался во мне на всю жизнь и только укреплялся в течение моей последующей службы и государственной деятельности.

Я был и остался до сего дня убежденным монархистом. Думаю, что после русской революции и власти большевистского «правительства» даже в умах нашей беспочвенной интеллигенции, составлявшей оппозицию Царскому правительству, не осталось сомнения в том, что единственною, соответствующею характеру русского народа, формою правления может быть только абсолютная монархия. Конечно, вычеркнуть из истории факт русской революции невозможно, и нужны серьезные изменения в общественном строе, необходимость которых доказали февральские события.

Более 30 лет прослужил я трем Российским Императорам, я знал Россию славною и грозною для ее врагов. Я помню время, когда союза с Императорской Россией искали иностранные государства, когда этим союзом гордились и когда мощь России считалась верной порукой безопасности дружественных ей держав. Не ошиблись союзники в этой мощи: славная русская армия под своими старыми победоносными знаменами верно помогала своим друзьям, жертвуя своими лучшими войсками и забывая о своих интересах, чтобы выручать в трудные минуты своих союзников.

Я вижу Россию революционную, к которой с пренебрежением стали относиться союзники и для которой у них не нашлось даже места во время мирных переговоров. Я вижу Россию разоренную, залитую кровью и как бы вычеркнутую из списка не только великих, но и просто цивилизованных государств. Говоря о первой России, я опираюсь на факты и события, участником которых я был в силу своего служебного положения.

Я начал службу в лейб-гвардии конно-гренадерском полку. Окончив военно-юридическую академию, недолго пробыл военным следователем и помощником военного прокурора, а затем, по предложению бывшего в то время прокурором Московской судебной палаты Н. В. Муравьева, перешел на службу по министерству юстиции. 13 лет прослужил я в прокурорском надзоре, занимая последовательно должности товарища прокурора, прокурора окружного суда и товарища прокурора судебной палаты. Затем судьбе угодно было забросить меня в администрацию, в которой я и прослужил до 27 февраля 1917 года. Я говорю – «судьбе», так как переход этот случился для меня совершенно неожиданно.

В бытность мою прокурором Вологодского окружного суда между моими товарищами по должности возникла мысль повесить в служебном кабинете портреты бывших в Вологде прокуроров. Задолго до меня эту должность занимал бывший в то время уже министром внутренних дел Вячеслав Константинович Плеве. На меня возложили поручение обратиться к нему с просьбою дать свой портрет, хотя уже в это время я был назначен товарищем прокурора Московской судебной палаты. Тогда я впервые имел случай встретиться с В. К. Плеве, которого, невзирая на все нападки его врагов, нельзя не считать крупным государственным деятелем. Он

охотно согласился исполнить мою просьбу и, с любовью вспоминая свою прежнюю прокурорскую службу, обратился ко мне с неожиданным вопросом, почему я не перехожу на службу по администрации, прибавив к этому, что «нам нужны люди». Я ответил, что служба в администрации давно меня привлекала, но я не предпринимал никаких шагов в этом направлении, не зная никого из лиц, стоявших во главе министерства внутренних дел и пользуясь расположением моего бывшего прокурора судебной палаты, а в то время министра юстиции Н. В. Муравьева, который отметил меня как обвинителя и неоднократно возлагал на меня эти обязанности по выдающимся процессам, два раза вызывая меня для этой цели по особым ордерам из Вологды в Москву.

Плеве мне на это ответил: «Вы встретили теперь вашего коллегу, который имеет некоторое значение в министерстве внутренних дел, так что вам не приходится обращаться с просьбой, а согласиться на предложение, которое я вам делаю. Конечно, по занимаемой вами должности вы вправе претендовать на место губернатора, – мы назначаем губернаторами даже прокуроров суда. Но взвесьте хорошенько в мои слова: по моему мнению, нельзя быть хорошим губернатором, не пройдя должности вице-губернатора; нельзя авторитетно отдавать приказания, не зная, как они на практике технически выполняются подчиненными. Я предлагаю вам вице-губернаторство в большой губернии, а именно Курской. Губернатор там – большой барин и вполне порядочный человек; работой себя обременять он не любит, и это даст вам возможность при желании ознакомиться с порядком управления губернией, сделать это в короткое время. Само собой разумеется, что вице-губернатором вы не засидитесь. Подумайте и дайте мне завтра ответ».

Я внял и в течение всей моей дальнейшей службы мог оценить данный мне В. К. Плеве мудрый совет: никогда не браться за дело без надлежащей к нему подготовки. На другой день я поблагодарил министра за сделанное мне предложение и вскоре был назначен курским вице-губернатором.

Хотя В. К. Плеве, трагически погибший, не мог исполнить своего обещания, но его предсказание оправдалось. При его преемнике А. Г. Булыгине я был назначен в Минск, где и провел тяжелый для России 1905-й год.

При вступлении в должность министра внутренних дел П. А. Столыпина я был назначен членом совета министра внутренних дел и, состоя в этой должности, управлял по Высочайшему повелению Киевской губернией. По моему возвращению из Киева у П. А. Столыпина возникла мысль поставить меня во главе полиции. По-видимому, мнения больших государственных людей сходятся, и П. А. Столыпин, как и В. К. Плеве, нашел, что предварительная практическая подготовка для столь большого государственного дела необходима, и поэтому возложил на меня исполнение обязанностей вице-директора департамента полиции, причем мне пришлось управлять этим департаментом во время отсутствия директора.

Убийство начальника главного тюремного управления Л. М. Максимовского прервало мою службу по министерству внутренних дел. П. А. Столыпин потребовал, чтобы я занял временно этот пост и провел в Государственной Думе новый бюджет тюремного управления. Время было тяжелое: тюрьмы были переполнены, в них свирепствовал сыпной тиф, а тюремные поставщики отказывались отпускать впредь в долг даже съестные припасы.

«Вы привыкли, – сказал мне П. А. Столыпин, – за свою прокурорскую службу к публичной деятельности и знакомы с тюремным делом. Смотрите на это назначение, как на временную командировку, – мое намерение поставить вас во главе полиции остается неизменным. Я желал бы на всякий случай обеспечить вас в будущем и потому через министра юстиции испросил Высочайшее соизволение на назначение вас сенатором, если вы оставите должность начальника главного тюремного управления без другого назначения».

В течение года мне удалось провести в Государственной Думе новый бюджет, увеличенный с 16 до 33 миллионов рублей, и привести в порядок тюрьмы, а 1 января 1909 года я был

назначен товарищем министра внутренних дел, причем на меня было возложено заведование делами департамента полиции.

Я не могу не вспомнить без сердечной благодарности П. А. Столыпина, который при этом последнем назначении, в предвидении всяких случайностей, сопряженных с новою моею службою, испросил у Государя подтверждение вышеуказанного Высочайшего повеления.

По занятии мною поста товарища министра внутренних дел, у П. А. Столыпина возник старый вопрос о соединении этой должности с должностью командира отдельного корпуса жандармов, ввиду тесной связи деятельности департамента полиции с работою офицеров этого корпуса.

П. А. Столыпин находил такое объединение необходимым, и 26 марта того же года я был назначен командующим отдельным корпусом жандармов с переименованием в генерал-майоры и с оставлением в должности шталмейстера Высочайшего двора.

Этот пост я занимал до трагической кончины П. А. Столыпина, а затем вышел в отставку, благодаря ярым, но, как оказалось впоследствии, неосновательным нападкам моих врагов. Эти инсинуации получили в свое время широкое распространение в обществе, что вынуждает меня посвятить событиям в Киеве особую главу.

С началом войны я вновь поступил на службу с личного милостивого разрешения Государя Императора и, состоя при главном начальнике снабжений Северо-Западного фронта, занимал должность помощника главного начальника Двинского военного округа по гражданской части, каковая должность была учреждена специально для меня повелением Верховного главнокомандующего, и, наконец, был военным генерал-губернатором прибалтийских губерний. С упразднением этой последней должности я находился в резерве чинов Петроградского военного округа.

Судьбе, толкнувшей меня на административную службу при В. К. Плеве, угодно было вновь возвратить меня к ней. В сентябре 1916 года мой старый полковой товарищ А. Д. Протопопов был назначен министром внутренних дел. В первый же день после назначения он предложил мне занять пост товарища министра, от чего я категорически отказался. Только на его просьбу помочь ему в знакомом мне деле до подыскания подходящего лица я согласился временно исполнять эти обязанности, а через месяц отказался и от них, причем 5 января 1917 года, разойдясь совершенно с А. Д. Протопоповым в политических взглядах, подал прошение об отставке, на что и воспоследовало Высочайшее соизволение.

Я пережил русскую революцию, отречение от престола Государя Императора. Я сердцем пережил страдания и мученическую кончину обожаемого Государя и Его царственной семьи. Пережил заключение в Петропавловской крепости и Выборгской одиночной тюрьме. Пережил тяготы следствия, производившегося чрезвычайной следственной комиссией, под председательством Муравьева, которая вынуждена была, по всем попавшим в ее руки документам, опровергнуть ложь и клевету, преследовавшую меня в моей служебной деятельности. Я пережил далее переворот большевиков и, когда под их ударами, без суда и следствия, стали падать мои прежние сослуживцы, вынужден был бежать за границу.

Теперь, в роли эмигранта, я считаю, что мне остается исполнить последний нравственный долг перед священной для меня памятью Государя Императора, а также перед моею семьею, опровергая распространенную в обществе и печати ложь и клевету.

Приведенные выше краткие сведения о моей служебной деятельности доказывают, как близко стоял я к верхам государственного правления за последние годы Императорской России. Я не имею в виду излагать в настоящей книге только ее хорошие стороны; моя цель – восстановление правды и объективное ко всему происшедшему отношение.

Я буду считать себя удовлетворенным, если читатель, ознакомившись с этой книгой, вынесет из нее добрую память о мученически погибшем, незабвенном для меня Монархе и

скажет себе, что в моей продолжительной служебной деятельности я никогда не изменял своим убеждениям и могу смотреть на пройденную долгую жизнь с спокойной совестью исполненного долга.

Глава I

Ночь на 28 февраля 1917 года. Последний Совет Министров. Предложение занять пост товарища министра внутренних дел и командира отдельного корпуса жандармов. Мой отказ. Арест. Разъяснение сделанного мне предложения С. Е. Крыжановским.

27 февраля 1917 года, когда уже третий день гремели на улицах Петрограда ружейные и пулеметные выстрелы, когда известия, передаваемые по телефону друзьями и знакомыми, носили все более и более мрачный характер, я, не выходявший уже около месяца из дому вследствие болезни, понимал, что творится что-то недоброе. В 10 часов вечера раздался новый звонок по телефону. Нервно взялся я за телефонную трубку, ожидая, что услышу что-нибудь подобное сообщенному мне накануне в 5 часов вечера моими знакомыми, жившими в доме придворного конюшенного ведомства, что на площади перед домом идет сражение между солдатами лейб-гвардии Павловского полка и полицией, причем есть убитые и раненые, но услышал взволнованный голос государственного секретаря С. Е. Крыжановского, бывшего одновременно со мною товарищем министра внутренних дел при П. А. Столыпине и сохранившего со мною самые лучшие отношения.

«Да возьмите же, Павел Григорьевич, наконец власть в свои руки! Разве вы не видите, что творится и куда мы идем?» – сказал мне С. Е. Крыжановский. Я отвечал, что никакого поста в настоящее время я не занимаю, а власть находится в руках министра внутренних дел, и к тому же я хвораю. «Очень жаль», – последовал краткий ответ, и разговор наш прекратился. Я не мог в ту минуту объяснить себе хорошенько значение этого разговора, но понял одно, – что власти нет. Я ясно представил себе моего старого однополчанина А. Д. Протопопова, произносящего в своем кабинете длинные монологи и не могущего ни на что решиться, и совершенно бездарного, безвольного и даже неумного главного начальника Петроградского военного округа, генерал-лейтенанта С. С. Хабалова, в руках которого, к несчастью, была в эти тяжелые минуты сосредоточена вся военная и гражданская власть в столице.

Утром 28 февраля, в первый день так называемой русской революции (некоторые наивные люди называют ее даже великой), я был арестован. Семь месяцев просидел в одиночном заключении в Петропавловской крепости и в Выборгской одиночной тюрьме и затем был переведен под домашний арест вследствие тяжелой сердечной болезни и отсутствия у следственной комиссии серьезных против меня обвинений. Только освободившись от тюремного заключения, я из старых газет, которых в крепости мне не давали, понял истинное, ужасное для меня значение телефонного разговора с С. Е. Крыжановским. Оказалось, что он телефонировал тогда из Мариинского дворца, где в тот роковой вечер собрался растерявшийся Совет Министров, в заседании которого принимали участие некоторые из великих князей и выдающихся членов Государственного Совета. Председатель Совета Министров князь Голицын, занимавший этот пост около полутора месяцев и совершенно к нему неподготовленный при новых условиях государственной жизни,¹ предложил С. Е. Крыжановскому пост министра внутренних дел и на его замечание, что министром состоит А. Д. Протопопов, получил ответ, что Протопопов уже уволен от должности и находится в Мариинском дворце в совершенно расстроенном состоянии. На это С. Е. Крыжановский сказал: «Я не считаю себя вправе отказаться в настоящую минуту от вашего предложения, но ставлю непременно условием, чтобы генерал Курлов был одновременно назначен товарищем министра внутренних дел и командиром

---

¹ Кн. Голицын оставил действительную службу задолго до Манифеста 17 октября 1905 г., занимая должность тверского губернатора, и присутствовал затем все эти годы в Правительствующем Сенате.

отдельного корпуса жандармов и чтобы в его руках была сосредоточена высшая командная власть над расположенными в столице войсками».

На выраженное князем Голицыным согласие С. Е. Крыжановский просил разрешить ему переговорить со мною по телефону, а когда получил мой отрицательный ответ, отказался занять пост министра внутренних дел и тщетно пытался только уговорить и успокоить А. Д. Протопопова.

Нельзя себе представить, какие тяжелые переживания я испытал при этом сообщении! Мне представилось, что если бы из того краткого и неясного для меня разговора я понял, что С. Е. Крыжановский высказывает мне не свои мысли, а делает серьезное предложение, которое я в такую минуту, конечно, не преминул бы принять и, став во главе знакомого мне дела, может быть, успел бы сделать что-нибудь для спасения трона и династии или погибнуть вместе с нею.

Пала вековая Императорская власть!

Россия пережила опыты управления государственных младенцев Временного правительства, выпустившего власть из своих рук почти с первых дней, подпав под влияние Совета солдатских и рабочих депутатов и, наконец, передавшего ее, хотя и вынужденно, в руки большевиков – вконец погубивших Россию.

Я не могу в силу моей продолжительной службы Императорской России не попытаться на страницах этой книги остановиться над происшедшими событиями и разобраться в их причинах.

Кто же был инициатором и исполнителем так называемой русской революции? Была ли это воля народа или по крайней мере воля его большинства, или это были действия отдельных общественных групп, которые не представляли себе даже ясно, какие ужасные последствия вызовут их попытки ниспровергнуть существовавший в России государственный строй?

Несомненно, революция была делом рук только этих партий.

К сожалению, для них надо сказать, что представители партий понимали опасность и только не имели нравственного мужества отказаться от своих вожделений захватить в свои руки власть. Слишком заманчивы были для них министерские портфели, ускользнувшие, как мираж, в момент выборгского воззвания. В одном из совещаний членов кадетской партии Милюков предостерегал своих сотоварищей от последствий, которые повлечет за собою революция: мы машем красным платком перед глазами разъяренного быка, обещая крестьянам землю, не уверенные, что мы можем исполнить наше обещание. При таких условиях в России неизбежна только анархия.

Продолжительная война взбаламутила русскую жизнь. На этой почве и началась работа указанных выше групп, и даже некоторые из великих князей стремились к дворцовому перевороту. Оппозиция, возглавляемая блоком Государственной Думы, жадно стремилась к упомянутой цели. Народ тяготился возрастающе дороговизною, тяжелыми условиями жизни, вырвавшими из его среды работников. Армия, или, вернее сказать, вооруженный народ переживал со всею Россией те же тяготы, и только революционные партии упорно вели свою идейную разрушительную работу в надежде провести в жизнь свои мечты всеобщего равенства и счастья.

Антиправительственные группы, на которые я указал, были даже не координированы в своей деятельности, и февральские события застали их врасплох. Когда 25 февраля вечером я, больной, приехал к моему старому другу, директору департамента полиции А. Т. Васильеву, чтобы узнать, что же наконец творится, так как меня взволновало происшедшее в этот день у Николаевского вокзала убийство полицейского пристава одним из казаков, Алексей Тихонович успокоил меня, сказав, что движение носит пока чисто экономический характер и только сегодня так называемое революционное подполье решило примкнуть к нему в надежде, не даст ли оно желательных для революционных партий последствий. Поэтому, вернувшись домой, я послал А. Д. Протопопову письмо, в котором говорил ему, что одни полицейские меры, при

настоящем положении вещей, не помогут, и умолял убедить генерала Хабалова приказать всем военным хлебопекарням выпечь в эту ночь из запасов интендантства как можно больше хлеба и утром пустить его в народ. Не знаю, какая участь постигла это письмо.

Я дал такой совет не потому, что я находил, что причиною возникших в эти дни в Петрограде народных волнений был недостаток хлеба. Мне прекрасно было известно, что хлебный паек составлял 2 фунта, что так же выдавались и остальные съестные продукты и что наличных запасов хватило бы на 22 дня, если даже допустить, что за это время к столице не будет подан ни один вагон с продовольствием. Требование «хлеба!» был пущенный в народные массы революционный лозунг. Его инициаторы хорошо понимали, что на этой почве массы всему поверят и всякое словесное возражение со стороны правительства никакого впечатления на народ не произведет. Ведь не поверили же объявлению генерала Хабалова, что хлеба в Петрограде имеется в достаточном количестве! Левые газеты усердно вышучивали это объявление. Вот почему я находил необходимым противопоставить слухам бьющие в глаза факты.

Тем не менее все соединились в усилиях дискредитировать Императорскую власть, не останавливаясь перед клеветой и ложью. Все забыли, что государственный переворот во время мировой войны – неизбежная гибель России... Правительство, которое после смерти П. А. Столыпина потеряло государственный курс, так как власть попала в руки слабых ее носителей, невольно содействовало постигшей наше отечество катастрофе. Для него бесследно прошли уроки попыток первой русской революции 1905 года, возникшей и протекавшей в условиях, тождественных с настоящими.

Не углубляясь в историю, 1905-й год надо считать началом роковых событий, совершившихся в феврале 1917 года, с тою только разницею, что революционное движение на этот раз вылилось в форму военного бунта.

Глава II

Государь Император Николай Александрович

Февральский военный бунт в Петрограде охватил в первые же дни и часть войск на фронте, в особенности на Северном, в состав которого входила и столица, находившаяся поэтому в тесном с ним общении и полной зависимости от главнокомандующего фронтом. Само собою разумеется, что бунт этот никогда не захватил бы столь стихийно войска, если бы не было уже и ранее проявлено преступного попустительства со стороны некоторых предателей, стоявших во главе командного состава. Первое место среди них принадлежит по праву генералу Рузскому, забывшему долг верности Государю и принятой им присяге и опозорившему Царские вензеля, которые он носил по званию генерал-адъютанта. Ничего другого от него и нельзя было ожидать. Ведь его любимцем, сотрудником и, говорят, даже вдохновителем был начальник его штаба генерал Бонч-Бруевич, с которым он не расставался в течение всей кампании в различных штабных должностях и который впоследствии состоял членом высшего военного совещания при Троцком, а брат генерала Бонч-Бруевича занимал должность начальника канцелярии Совета народных комиссаров.

Прибывшему в это время с фронта к войскам, находившимся под командою генерала Рузского, Государю Императору доложили, что бунтом охвачены все войска, что вернуться назад, в Могилев, невозможно и что от Него зависит предотвратить грозящие стране кровопролития.

Г. Родзянко – камергер Двора Его Императорского Величества – не постеснялся прибегнуть к моральному, насилию, не имеющему названия в глазах мало-мальски порядочного человека!

Он заявил Государю, что не ручается за безопасность Царской семьи.

Прием для г. Родзянко в нравственном отношении, пожалуй, худший, чем убийство Государя Императора и Его семьи для озверевших отбросов большевистской среды!

«Кровавый Николай», как дерзала называть его подпольная пресса до времени революции и повторяла разнузданная печать уже после февральских дней, не пожелал пролить ни одной капли крови любимого им народа и подписал отречение от престола в пользу своего брата, великого князя Михаила Александровича.

В эту тяжелую для Него минуту Государь уже был одинок.

Вокруг Него не толпились более подобострастно кланявшиеся Ему советники и придворные, заботившиеся только о своих личных интересах, а потому величайшая жертва своим положением Самодержавного Монарха Российской Империи, принесенная Им русскому народу в целях избежать кровопролития, была актом Его свободной воли, вдохновленной беспредельной любовью к России.

И после этого к Нему осмеливаются применять эпитет «кровавый»!

Мне могут сказать, даже соглашаясь с моею оценкою момента отречения, что позорное название было вызвано предшествовавшим царствованием. Одни относят этот гнусный эпитет к несчастным событиям на Ходынке во время св. Коронования, другие – к стрельбе в рабочих 9 января 1905 года, третьи – к Японской и последней войнам и, наконец, четвертые – к случаям смертной казни за политические преступления, в особенности после мятежа 1905 года.

В чем же заключается вина в ходынской катастрофе только что вступившего на престол молодого Государя Императора, который в дни священного Своего Коронования всей душой стремился слиться со своим народом, восторженно Его всюду встречавшим?

Ведь устройством народных празднеств на Ходынке заведовали специально назначенные для этого должностные лица, а во главе Московской администрации стоял родной дядя

Государя великий князь Сергей Александрович, впоследствии зверски убитый. Ни у одного из близких к Государю лиц не нашлось гражданского мужества доложить Ему в первую минуту всю правду о грандиозности несчастья. В головах этих людей господствовала столь присущая придворной сфере мысль о невозможности нарушения церемониала и стремление скрыть от Государя правду. Всякий, кто хотя немного знал Государя Императора, всегдашнюю мысль которого, повторяю, была отеческая забота о своих подданных, ни на миг не усомнится, что, знай Он правду, на Ходынке не звучала бы днем музыка, а уже утром Царь и народ благоговейно внимали бы трогательным песнопениям православной панихиды.

Стрельба в рабочих 9 января 1905 года тоже не может быть поставлена в вину Государю. Он не знал об их намерениях и желаниях, Он не знал, что не перед рабочими, в своем кабинете находился начальник столицы с. – петербургский градоначальник, генерал Фуллон, а перед рабочими стояли вооруженные войска, обязанные по долгу службы и в силу закона не подпускать к себе толпы ближе 50 шагов без употребления оружия.

Действием Государя было увольнение градоначальника от должности за прямое неисполнение им своего долга: лично встретить толпу, выяснить желания рабочих масс и их истинное настроение для верноподданнического затем о сем доклада.

Нельзя требовать от Императора, чтобы Он заменял в таком случае Собою градоначальника. Жизнь Его была слишком драгоценна для государства, и, можно сказать, далеко не находилась в безопасности, особенно после «случайного», за три дня до 9 января, выстрела одного из орудий гвардейской конной артиллерии картечью по помосту, где находились Государь и августейшая семья во время Крещенского водоосвящения.

Войны Японская и Германская сопровождалась, конечно, потоками крови, но и в этой народной крови наш Монарх неповинен. Перед началом Японской войны я занимал слишком незначительную должность, чтобы знать в подробностях ее объявление. Повторять же ходившие в то время слухи я не нахожу возможным, желая быть совершенно объективным. В ином положении, хотя и случайно, я был в момент объявления войны с Германией. Военный министр генерал Сухомлинов, с которым я был в очень близких отношениях, передал мне на другой день после объявления войны, когда я приехал к нему вечером, чтобы переговорить о моем обратном поступлении на службу, подробности этого события.

Враждебные, предreshавшие войну с Сербией мероприятия Австро-Венгрии повлекли за собой Высочайшее Повеление о мобилизации Русской армии. Германский Император просил нашего Государя отменить эту мобилизацию, обещая добиться от Австрии положительных результатов для предотвращения войны. Государь Император сообщил военному министру свое решение согласиться на посредничество Берлина, но военный министр предостерегал Его Величество от возможности невыполнения Германским Императором своих обещаний. Он считал, что Германия не может не воспользоваться временем, оставшимся для выполнения нашей большой военной программы, не имея сама в будущем возможности добиться усиления своих военных кредитов. Программа же эта, по его мнению, не только уравнивала наши военные силы с силами Германии, но и давала России некоторые преимущества. Кроме того, военный министр обращал внимание Государя на технические затруднения, связанные с отменой мобилизации, и на то преимущество во времени, которое Германия имела перед нами по своему мобилизационному плану. Генерал Сухомлинов просил Императора выслушать по этому поводу доклад начальника генерального штаба, и генерал Янушкевич в разговоре по телефону с Государем подтвердил мнение военного министра. В результате Государь, в своих постоянных заботах о благе России, не мог не согласиться с военным министром. Я думаю, что в войне с Германией сыграла значительную роль пресса почти всех партий, кроме крайне правых. Я не буду разбираться в вопросе, какими целями руководились те или другие органы печати, в зависимости от их направления, что, конечно, не исключает возможности крайних

левых партий желать войны в предвидении, по примеру Японской войны, удобного момента для осуществления своих преступных целей, которых им не удалось достигнуть в 1905 году.

Странно и только для пристрастного человека возможно обвинение Государя в желании пойти на кровопролитную войну после предложения Им Европе всеобщего мира на Гаагской конференции.

Остается последний и, пожалуй, самый тяжкий вопрос о смертной казни по приговорам военных судов.

В это время я занимал пост товарища министра внутренних дел и могу говорить, зная все подробности этого дела, а главное, зная отношение к нему Государя.

Когда в 1905 году Россия, в чаянии успеха революции, была залита кровью и освещена заревом пожаров помещичьих усадеб, военные суды были введены по инициативе покойного П. А. Столыпина, которому, по незабвенному его выражению, нужна была в е л и к а я Р о с с и я, Государю Императору представлялись еженедельно сведения о количестве смертных приговоров, и каждый раз, возвращаясь с всеподданнейшего доклада, П. А. Столыпин передавал мне о том, какое удручающее впечатление производят на Государя эти сведения, а также неперемнное требование, чтобы были приняты все меры к сокращению случаев предания военному суду и к ограничению числа губерний, объявленных на особом положении, где эти суды могли применяться.

Воля Государя была для нас законом. С каждой неделей уменьшалось число случаев предания военному суду, а в ряде губерний отменялись исключительные положения. Надо было видеть, говорил мне П. А. Столыпин, с какой искренней сердечной радостью Государь принимал наши старания исполнить Его гуманное желание остановить пролитие народной крови.

Государь Император безусловно отклонял от себя утверждение смертных приговоров, и я не знаю ни одного случая, когда обращенное к Его Величеству ходатайство о помиловании было бы Монархом отклонено.

Все изложенное было, конечно, прекрасно известно главарям революционных партий и представителям революционной прессы еще до революции и, конечно, не могло оставлять никаких сомнений у этих лиц и их присных после февраля 1917 года, когда для них не было уже ничего тайного и в их руках были все самые секретные документы. Но ложь и клевета до революции признавались ими как средство для борьбы против ненавистного режима, а после одержанной победы были проявлением бессмысленной мести к падшему Российскому Самодержцу мелких людишек, дорвавшихся до власти. Чего только не писалось о Государе Императоре в это время! Гордые своим умом, государственные деятели Временного правительства довели Россию до большевизма в течение полугода и вызвали к ней презрение союзников, о чем явно свидетельствуют оглашенные большевиками тайные документы: шифрованная телеграмма генерала Занкевича военному министру и презрительное обращение послов французского, английского и итальянского к тогдашнему министру иностранных дел Терещенко, в чем он сам расписался в своей телеграмме от 9 октября 1917 года нашим дипломатическим представителям в Лондоне и Риме, выражая одновременно благодарность через посла в Вашингтоне американскому правительству, что оно не приняло участия в презрительных даже по форме, как признает это сам Терещенко, обращениях к нему вышеуказанных послов.

Глава правительства Керенский, очевидно, в силу своих гениальных способностей, занимавший одновременно должности военного и морского министров и даже верховного главнокомандующего, поспешил воспользоваться свалившимися на него благами, устраивая пьяные оргии в Зимнем дворце, о которых с презрением отзывались старые придворные лакеи. Этим самозванным правителям необходимо было прикрыть свою неспособность и свое позорное поведение, а потому они особенно охотно поощряли и содействовали распространению всякой клеветы в стремлении доказать, что они стоят выше низверженного Русского Импера-

тора, олицетворявшего мощь и славу России. Не чужда была им и боязнь, что обманутые ими народные массы поймут, наконец, «революционность» способов их управления.

Печать, угождая своим новым господам, дерзала называть Государя чуть не идиотом и говорила о нем как о пьянице, считая совершенно доказанным отсутствие у него всякой воли, но эти нападки, как и прежние – сплошная и сознательная ложь и клевета. Всякий, кто знал Государя Императора, а тем более имел счастье с Ним беседовать, не может не сказать, что Государь Император Николай Александрович был человек широко образованный, внимательно следивший за русской и иностранной серьезной литературой, быстро разбиравшийся в самых сложных государственных вопросах и вдумчиво их разрешавший. Эти качества Императора прекрасно известны государственным деятелям Его царствования, близко к Нему стоявшим. Я уверен, что даже те из них, которые по личным побуждениям были недовольны отношением к ним Государя, не решатся теперь отрицать указанные мной высокие качества Монарха. Я не говорю уже о многочисленных свидетельствах иностранцев, которым приходилось представляться и беседовать с Императором.

В уме ограниченного человека не могла возникнуть мысль о всеобщем мире, между тем все действия, относящиеся к этому вопросу и к возникшей затем для его разрешения Гаагской мирной конференции, были личным делом Государя.

Это мое мнение подтверждает человек, пользовавшийся уважением всего мира, которого левые партии считают своим и которого отнюдь нельзя заподозрить в приверженности к Государю. В личном письме граф Л. Н. Толстой, обращаясь к Государю Императору в недопустимой форме и переполняя свое письмо упреками, пишет: «Вы – добрый и умный человек». Свидетельство, перед которым приходится умолкнуть клеветникам! Как же относился Государь к графу Толстому, ясно из собственноручной резолюции на всеподданнейшем докладе о его смерти: «Скорблю о кончине великого художника Земли Русской. В его же убеждениях – Бог ему судья».

Говоря о пьянстве Государя Императора, которое, по тем же сведениям, происходило в различных гвардейских полках, я очень желал бы, чтобы мне указали хоть на одного гвардейского офицера, который был свидетелем таких кутежей. Бросалось невольно в глаза среди распускаемых в Петрограде по этому поводу слухов, что дерзавшие говорить об этом даже офицеры бывали поставлены в безвыходное положение простым вопросом: посещал ли Государь ваш полк? – и на утвердительный ответ вторым вопросом – видели ли вы Его в своем полку пьяным? Несмотря на подлость рассказчика – я не могу не назвать этим именем клеветы против Государя со стороны гвардейского офицера – ответ на последний вопрос получался всегда отрицательный, причем смущенный клеветник добавлял: да, но это было в других полках...

Начав свою службу в лейб-гвардии Конно-гренадерском полку, я сохранил с ним самую тесную связь, а потому присутствовал почти на всех полковых праздниках и бывал в полковом собрании, когда Государь Император осчастливливал полк своим присутствием в других случаях. Государь засиживался иногда очень долго, слушая полковых трубачей, песенников и балалаечников. Я не только никогда не видел Его пьяным, но могу по совести утверждать, что Он просиживал долгие вечера над одним невыпитым бокалом. Ему ставили в вину эти частые посещения, и никто не понимал, что Государь всем сердцем любил свои войска, душой отдыхал среди офицеров от тягот, сопряженных с Его положением, так как в присутствии Государя в полковом собрании были безусловно исключены всякие политические разговоры.

Я думаю, что можно покончить с мрачными, клеветническими картинками. Для людей, их рисовавших, было непонятно, что, клеветая и позоря Русского Императора, они позорят Россию, представителем которой был ее Самодержец. У них не хватило смысла и нравственной порядочности хоть одним словом обмолвиться о несомненных положительных качествах Государя Императора Николая Александровича. Да можно ли искать это чувство у людей, потеряв-

ших все человеческое и не остановившихся перед убийством беззащитного Государя и его ни в чем не повинных детей.

А эти качества были и несомненно привлекали на себя внимание. Я не беру на себя смелость оценивать Императора и Его государственную деятельность. Я привожу только факты; выводы напрашиваются сами собою.

Я упоминал уже о любви Государя к войскам, выражавшейся в постоянной о них отеческой заботливости. Надо было видеть радостное, осененное чарующей улыбкой лицо Государя при виде войск. Нельзя было доставить Ему большего огорчения, будучи обязанным докладывать, что и среди войск распространяется революционное движение. Он совершенно перерождался при таких докладах, не хотел им верить, а все руководившие борьбой с этим революционным движением знают, как затрудняло их и без того нелегкую работу категорическое запрещение Государя иметь среди войск агентуру. Его слабостью был флот, столь позорно отплативший Государю Императору за Его любовь.

Во время пребывания Государя Императора в Севастополе в 1909 и 1910 годах мне пришлось по соглашению с главным командиром Черноморского флота настоять, чтобы с некоторых кораблей были списаны матросы, явно заподозренные в принадлежности к революционным партиям. Дух лейтенанта Шмидта еще жил в Черноморском флоте. Я упросил П. А. Столыпина доложить об этом Государю Императору вместе с моею верноподданнейшей просьбой быть осторожнее при посещении отдельных судов и исключить из своего объезда некоторые из кораблей, среди команды которых наиболее сильно выражалось антиправительственное настроение. Государь в резкой форме отверг эту просьбу и в течение нескольких дней посетил все суда без исключения.

А как велика была эта опасность, в которую Государь не хотел верить, свидетельствуют теперь воспоминания главы боевой организации партии социалистов-революционеров Савинкова. Он рассказывает (Былое, № 2 – 1918 года), как матросы Авдеев и Котельников, посаженные им для цареубийства на крейсер «Рюрик», ввиду предстоявшего в Кронштадте высочайшего смотра, не решились выполнить этот акт. «Я считаю несправедливым, – пишет Савинков, заподозрить Авдеева в недостатке мужества. Слишком быстро и слишком напряженно пришлось пережить ему все колебания террора. Нет ничего удивительного, что пружина сломалась». Так психологически объясняет себе неудавшийся террористический акт его вдохновитель. Объяснение, понятное для человека, никогда не останавливавшегося перед убийствами. Слишком велико было личное обаяние Государя и не «пружина сломалась», а осталось непоколебимым скрытое в тайниках русской души благоговение пред Царем, утверждаю я, всю жизнь тесно связанный с солдатской средой.

Говоря о любви Государя к народу, я не могу умолчать о ярком ее проявлении в беседе Императора с выборными от крестьян, в количестве около 2 000 человек, имевшей место в Полтаве во время юбилейного празднования Полтавской победы. Выезд в Полтаву был первым выездом Государя после смуты 1905 года. П. А. Столыпин и я были сильно озабочены безопасностью Государя и считали безусловно необходимым принять все зависевшие от нас меры предосторожности. Делать это было не легко, так как Государь Император стремился быть ближе к народу и постоянно повторял свое желание, чтобы и народ не стеснялся в присутствии каждому русскому человеку тяготении к Царю. И действительно, бывало не раз, что толпа, одушевленная лицезрением Монарха, сметала всякую охрану и тесным кольцом окружала Царский экипаж.

Государь передал П. А. Столыпину свое непереносимое желание видеть и говорить с крестьянами. П. А. Столыпин приказал исполнить в точности волю Государя. В Полтаве были собраны выборные от всех деревень Полтавской губернии и размещены в особом лагере. Государь Император должен был провести в Полтаве полтора дня. Присутствие на церковных службах, посещение целого ряда учреждений, самое празднование победы, освящение памятника

бывшему полтавскому коменданту полковнику Келину занимали все время, которое было рассчитано почти по минутам. Государь пожелал посетить крестьянский лагерь в первый день, в пять часов вечера, а в шесть часов в церкви на поле Полтавской битвы было назначено служение Киевским митрополитом заупокойной всенощной по Императору Петру I и павшим под Полтавою воинам. Государь прибыл в лагерь крестьян и, встреченный громкими приветствиями собравшихся, стал обходить крестьян. Он подходил буквально к каждому человеку и со своей чарующей улыбкой расспрашивал о его семье, жизни и домашних нуждах. Сопровождая Государя, я посмотрел на часы – было пять часов 50 минут, а Государь не обошел и ста человек. Я напомнил о времени дворцовому коменданту, генерал-адъютанту Дедюлину, прося доложить, что нас ожидает митрополит. «Попросите начать всенощную – Я хочу поговорить со всеми», – ответил видимо растроганный общением с крестьянами Государь. Мы прибыли в церковь в 8 1/2 часов. Важность этого события после крестьянских погромов 1904 и 1905 годов оценили иностранцы. «Вы недостаточно придаете значения такому акту Государя», – сказал мне бывший в свите и состоявший при Особе Государя флигель-адъютант Императора Вильгельма капитан фон Гинце.

Это – исторический момент! Не могу обойти молчанием, что в своих разговорах с крестьянами Государь все время касался земельного вопроса.

Я опасаясь моей слабой попытки восстановить в сердцах русских людей светлую личность усопшего Монарха, я должен отметить, что Русский Самодержец, произвол которого настойчиво выставляли революционные партии, был первым слугой и строгим блюстителем закона. Прекрасно понимая всю неограниченность своей власти, Государь доходил в этом отношении до шепетильности, которую мне пришлось испытать на самом себе. Когда, после 17 октября 1905 года, стоявший у Минского вокзала военный караул, у которого толпа стала вырывать ружья, без команды открыл огонь, вызвавший человеческие жертвы, на меня, бывшего в то время Минским губернатором, посыпался целый ряд обвинений и клеветнических нападок, так что Правительствующий сенат потребовал от меня объяснений. Я представил свой рапорт и, находясь в то время в Петербурге, просил министра внутренних дел П. Н. Дурново испросить мне разрешение представиться Его Императорскому Величеству, чего я не успел сделать, благодаря политическим событиям, после назначения меня на пост минского губернатора. «Подождите – теперь не время», – ответил Государь П. Н. Дурново. Дело мое слушалось в Правительствующем сенате через две недели после этого доклада. Сенат признал, что никакого отношения к стрельбе на Минском вокзале я не имел, а действия мои по поддержанию порядка в городе совершенно правильными. Министр поздравил меня по телефону с благополучным окончанием моего дела, добавив, что он посылает об этом всеподданнейшую записку. Через день я получил от гофмаршальской части извещение о приеме меня Государем. Не без волнения входил я на следующий день в маленький кабинет Государя в Царскосельском дворце. С ласковой улыбкой встретил и поздоровался со мной Государь Император и на мой доклад, что я безгранично счастлив видеть Его Императорское Величество, сказал: «Вы, может быть, удивлены, что Я не принял вас после первого доклада министра? Я знал о вашем деле в сенате, был совершенно уверен, что вы – правы, но не хотел, чтобы могли даже подумать, что, принимая вас, Я косвенно влияю на исход вашего дела в сенате. Вы пережили много тяжелых минут. Что Я могу для вас сделать?» Я ответил, что и без того осыпан Его милостями и никаких личных просьб не имею. «Я прошу Ваше Императорское Величество, – продолжал я, – о Монаршем милосердии: судебная палата приговорила к наказанию полицейского городского Якубовича, человека семейного, за произведенный им 17 октября выстрел, когда толпа с красными флагами стала громить полицейский участок, в котором он был дежурным, причем этим выстрелом был убит присяжный поверенный Энтыс». – «Я очень рад исполнить вашу просьбу», – ответил Государь и, позвонив дежурному флигель-адъютанту, князю Орлову, приказал ему тотчас же передать министру юстиции повеление о помиловании Якубовича.

Еще более сильным доказательством преклонения Государя пред законом служит дело генерала Сухомлинова. Государь Император относился к бывшему военному министру с большою любовью и доверием, зная его заслуги по организации русской армии после Японской войны, и тем не менее не препятствовал судебной власти возбудить против него уголовное преследование, когда по закону это признавалось необходимым. Свое неизменное доверие Государь выразил в личном письме В. А. Сухомлинову, высказав уверенность, что Бог поможет ему восстановить свою невиновность.

Не только в России, но и во всем мире было распространено убеждение, что Государь Император Николай Александрович – человек совершенно безвольный, подчиняющийся влиянию то одного, то другого лица и не могущий сам провести в жизнь ни одного своего намерения. Источник такого распространенного мнения резко отличается от остальных источников сведений о личности Государя. Эти сведения – о безволии – нельзя считать результатом работы революционных партий: они считали это аксиомой, а потому и не прибегали ни к каким усилиям для поддержания и подкрепления такого мнения. Напротив того, партии оппозиционные усиленно поддерживали господствующее мнение, исходившее, главным образом, от представителей русской бюрократии, почему так и трудно было всегда его опровергать в глазах широкой публики.

Что же эти люди принимали за слабоволие?

В их представлении жил могучий образ Императора Александра III, они помнили, как круто обращался с ними самодержавный Монарх при всяком нарушении с их стороны служебного долга. Он спокойно и в резкой форме выгонял со службы виновного. Его Наследник, вступивший на престол в юном возрасте, мягкий и крайне деликатный по своей природе, не способен был проявлять так резко свою самодержавную волю. Он долго терпел провинившегося сановника, хорошо понимая его непригодность и отчетливо разбираясь в его личности. Даже расставаясь с ним, Государь никогда открыто не выказывал своего неудовольствия, никогда не говорил лицом к лицу об его увольнении: Он делал это путем личного письма. Зарвавшиеся сановники, не слыша привычного окрика, считали деликатность Государя за одобрение их деятельности и, пораженные неожиданным увольнением, искали его причин не в своей неспособности, а в каких-то посторонних влияниях, громко вопя о безволии Императора. Конечно, новое назначение на открывшийся пост с первого же дня подвергалось критике со стороны считавшего себя недостаточно оцененным отставленного бюрократа, который в этом вновь усматривал постороннее влияние на Царя. Долготерпение принималось за слабоволие. Между тем Государь Император, оценив своего сотрудника, твердо приводил к концу свое решение заменить его другим лицом, особенно когда он видел в этом государственную необходимость, которой зачастую приносил в жертву свои личные чувства.

Яркий пример – замена на посту министра внутренних дел П. Н. Дурново П. А. Столыпиным. Государь не мог не оценить, что в тяжелые дни смутного времени 1905 года П. Н. Дурново твердой рукой остановил революционные попытки и спас Россию от анархии, которую мы все теперь переживаем. Понимал Государь, что такой результат не мог быть достигнут без крутых мер, и личность министра стала непопулярной среди всегда ограниченного в своих суждениях большинства. Поставив себе задачей правильную совместную работу с созданной Им Государственной Думой, Он пожертвовал верным слугой.

То же самое повторилось с отставкой И. Л. Горемыкина, по совету которого была распущена Государственная Дума первого созыва.

Эти примеры увольнения еще более подтверждаются новыми назначениями: П. Н. Дурново и И. Л. Горемыкин были заменены П. А. Столыпиным, относительно которого ни у одного человека не возникала мысль, что он был призван на высокий пост благодаря каким-то посторонним влияниям.

Таким же личным назначением было назначение Н. А. Маклакова, не имевшего в высших служебных и придворных сферах никаких отношений и совершенно неизвестного Петрограду.

Государя всегда занимала мысль пойти навстречу общественному мнению и призвать в состав правительства министров из членов Государственной Думы, таковы были назначения графа А. А. Бобринского, князя В. М. Волконского, А. Н. Хвостова и А. Д. Протопопова. Относительно двух последних говорили о влиянии Распутина, на чем мне придется еще остановиться.

Я могу ознакомить читателя с одним влиянием на Государя – влиянием общественного мнения, т. е. стремлением Императора не идти в разрез с желаниями своего народа, которые, впрочем, не всегда находили себе правильное выражение у народных избранников в лице членов Государственной Думы.

Лучший пример этому – я сам. После смерти П. А. Столыпина дворцовый комендант, генерал-адъютант В. А. Дедюлин, без моего ведома, оказал мне дурную услугу. Когда в Севастополе, вскоре после киевских событий, Государь Император заговорил с ним о назначении нового министра внутренних дел, В. А. Дедюлин выдвинул мою кандидатуру. Это предложение было решительно отклонено Государем Императором, несмотря на то, что В. А. Дедюлин был одним из ближайших к Государю лиц, пользовавшихся полным Его доверием, благодаря безграничной любви к Монарху и отсутствию личных стремлений.

Крайне благосклонно относился и ко мне Государь, который выразил полное доверие к моей службе по окончании судебного дела о киевских событиях.

О случаях, когда Государь, вопреки мнениям и настояниям наиболее ценимых им сотрудников, настаивал на исполнении его воли, мне приходилось неоднократно слышать от П. А. Столыпина и В. А. Сухомлинова.

Если прибавить к этому преувеличение о влиянии на Государя Императрицы Александры Федоровны, о чем я подробнее остановлюсь в следующей главе, я считаю, что мнение о безволии Государя есть результат обиженных самолюбий близко стоявших к Нему лиц.

Я боюсь, что мои слабые силы не дают мне возможности еще ярче выставить личность незабвенного для меня Государя, память о котором составляет драгоценнейшее для меня достояние.

Глава III

Государыня Императрица Александра Федоровна

С момента вступления на престол и в течение всего 25-летнего царствования Императора Николая II оппозиционные и революционные деятели клеветали на Него, как я уже сказал, стараясь всеми силами подорвать в народе доверие и любовь к Монарху. Нельзя сказать, чтобы эти усилия, при которых никакими средствами не пренебрегали, достигали блестящих успехов и только в конце царствования тяготы войны и клевета на этой почве привели к желаемому результату. Я уверен, что и на этот раз их планы не осуществились бы, если бы Государь Император не был лишен возможности в февральские дни 1917 года лично появиться перед народом и войсками. Несомненно Он был бы встречен теми же кликами восторга, которые сопровождали Его во всех поездках и ярко выразились в день войны на площади Зимнего дворца, когда Государь Император вышел на балкон.

Та же подпольная работа, к сожалению, дала по отношению к Императрице Александре Федоровне иные результаты и возбудила против Нее ненависть народных масс.

Зная Императрицу почти с первых шагов на поприще Государыни многомиллионного русского народа, я думаю, что о характере Ее следует судить по отдельным периодам Ее жизни.

Молодая Гессенская принцесса была воспитана в патриархальной семье. Она получила серьезное образование, а простота, доступность и любовь к народу привлекли к Ней общее расположение Ее соотечественников. Надо видеть, с какой силой выражаются эти чувства по отношению к Императрице в многочисленных воспоминаниях близких лиц, хорошо знавших Ее в эту эпоху. Некоторые из них содержат в себе прямо трогательные отзывы. Но вот все изменилось: из скромного замка в Фридберге Гессенская принцесса перешла сразу в блестящие покои Петербургских дворцов и перешла в трудное время. Неожиданная смерть Царя-Миротворца повергла в тяжелое горе Россию и ее молодого Государя. Император Александр III не ожидал своей скорой кончины и не подготовлял еще молодого Наследника престола к скорому вступлению на царство. Императрице, встретившей в трауре торжественный для всякого день венчания, пришлось в это время глубокого сыновнего горя сделаться с первых дней поддержкой и утешительницей молодого царственного супруга. В этом кроется причина несомненного влияния Ее на Императора, кроется причина истинной любви, связывавшей Их всю жизнь. Не легок был переход Гессенской принцессы к роли Русской Императрицы. Придворный этикет, положенный у нас в основание жизни царской семьи и совершенно чуждый Фридбергу, требовал от Императрицы изменения всех Ее привычек и всего образа жизни. Надо сказать, что на несчастье, графиня Воронцова-Дашкова и обер-гофмейстерины светлейшая княгиня Голицына и Е. А. Нарышкина, по свойствам их личного характера, не могли дать Императрице полезных указаний, а напротив постепенно убивали в Ней то, что составляло Ее украшение в Гессене, а именно приветливость и простоту. Переломить себя Императрица не могла: врожденные чувства, которые привлекали к Ней сердца гессенцев, конечно, остались, но Она замкнулась в своей семье. Тот, кто знал Императрицу в различные периоды Ее жизни, хорошо помнит, как проявлялись эти прирожденные черты Ее характера.

В 1902 году, состоя секретарем Ее августейшей сестры, великой княгини Елизаветы Федоровны, по дамскому комитету Красного Креста, я был назначен комиссаром ее отдела на кустарной выставке, устраиваемой Императрицей в Таврическом дворце. Великая княгиня жила в Царском Селе у сестры. Состоявшему при ней гофмейстеру Н. А. Жедринскому и мне приходилось часто приезжать к ней для доклада и иногда беседовать по вопросам, относящимся до выставки, с Императрицей, которая запросто приходила в комнату своей сестры. Я знаю сердечный интерес, который проявляла Ее Величество даже к мелким вопросам. Мысль

поднять кустарную промышленность в России и тем помочь многочисленным народным труженикам в этой области целиком захватывала Ее душу. Быстро усваивала Государыня Александра Федоровна делаемые Ей доклады и столь же быстро и жизненно разрешала возникавшие вопросы. Последовало открытие выставки, и я встретил Государя Императора и Его царственную Супругу при входе в порученный мне отдел.

Я не узнал Императрицы: Она, видимо, крайне стеснялась, стараясь выполнить преподанные Ей руководительницами в этой области уроки формальной любезности. Через три дня последовало неожиданное распоряжение закрыть выставку для публики с 9 часов утра до 1 часа дня, так как Императрица пожелала осмотреть ее во всех подробностях в менее официальной обстановке. Нам, комиссарам, было приказано находиться на своих местах и встретить Государыню, не облакаясь для этого в придворные мундиры. Царственные сестры прибыли на выставку в 9 1/2 часов утра. Мой отдел был первым от входа, и, когда я на пороге встретил Императрицу, я увидел в Ней другого человека: живая, обворожительная, любезная, простая до крайности. Она захватывала своим обаянием тех, к кому обращалась.

В моем отделе были сосредоточены кустарные игрушки Московской губернии, и ими заинтересовалась Императрица. Когда я хотел достать какую-то вещь с верхней полки, Она с улыбкой сказала мне: «Дайте, я сделаю это сама, вы едва ли привыкли обращаться с подобными вещами». Я никогда не забуду того восторга, с которым мы принимали в то время августейшую посетительницу.

С отмеченной особенностью Императрицы мне пришлось встретиться еще раз. Через некоторое время в Петергофе праздновался юбилей лейб-гвардии Конно-гренадерского полка, который осчастливили своим присутствием Государь и Императрица. Как старый конно-гренадер я был на этом юбилее. После завтрака все вышли на террасу. Будучи в то время скромным камер-юнкером, я стоял далеко от Государыни и увидел опять Императрицу такую, какою Она была в день открытия выставки. Она беседовала с высшими военными и придворными чинами, видимо, стесняясь и затрудняясь отвечать на преподносимые по привычке банальные фразы этих лиц. Вдруг неожиданно Императрица перешла через всю террасу, по направлению ко мне, милостиво подала мне руку и с оживлением стала расспрашивать меня о великой княгине, вспоминая подробности кустарной выставки.

В последующие годы я не имел счастья в подобной обстановке видеть Государыню. Рождение нескольких дочерей отозвалось на Ее здоровье: Императрица под влиянием болезни стала все реже и реже показываться в больших собраниях, отдавая все время семье и заботам о горячо любимом Государе. Естественно было желание Царственной Четы иметь Наследника престола. К этому именно времени и относится развитие у Государыни крайней религиозности с оттенком некоторого мистицизма.

Знающий придворную жизнь поймет, что окружавшие Государя и Царицу лица никогда не могли простить Императрице отдаление от общественной жизни. Мелкое самолюбие не останавливалось перед нападками на Государыню Александру Федоровну. Клевета, пожалуй, бессознательная, клевета мелких побуждений и личных самолюбивых стремлений стала волной заливать чистую репутацию Государыни. Это совпало с первыми шагами на придворной арене Распутина. Я не хочу в этой главе вскользь касаться этого человека и постараюсь более подробно в дальнейшем изложении моих воспоминаний затронуть этот вопрос. Я далек от мысли выступать его защитником: моя цель – рассеять этот «кошмар старого режима», как нагло называет его в своей книге Пуришкевич.

Он решается называть себя монархистом и, с цинизмом повествуя об убийстве Распутина, позволяет себе инсинуации на Императрицу, причем и тут прибегает к обычным приемам самовосхваления и лжи, сделавшим его думским шутом. Его записки изданы после революции; в них, кроме указанных выше побуждений, сильно проскальзывает рабское желание угодить «новым господам» не без тайной надежды, что, может быть, и у этих «освободителей»

окажется секретный фонд, из которого он может черпать за свою службу деньги, как это было с секретным фондом департамента полиции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.